

Библиофил

Ксения Семенова

Координатор высокого уровня

Мне кажется, что дипломатия – мост, перекинутый между двумя берегами. Мосты бывают узкие, удобные, широкие, качающиеся. Каждый посол – мост.

Ю.М. Воронцов

Увидевшая недавно свет уникальная книга¹ повествует об одном из ярчайших и умнейших представителей отечественной и мировой дипломатии Юлии Михайловне Воронцове (1929–2007). Он не любил давать интервью и не написал мемуаров, но, к счастью, журналист Гагик Карапетян в 2004–2005 годах записывал беседы с ним. Весной 2007 года Ю.М. Воронцов, прочитав рукопись, успел сделать замечания, но 12 декабря того же года Воронцова не стало – то, что могло быть мемуарами в основном в жанре интервью, за последующие три года обогатилось эксклюзивными текстами и снимками из семейного архива, став его «Ненаписанными воспоминаниями»...

В основу этого внушительного по объему сборника редчайших материалов, собранных другим соавтором, зятем Юлиа Михайловича, Владимиром Грачевым-Селихом и посвященных профессиональной деятельности Ю.М. Воронцова, легли записи диалогов, дополненные выдержками из публикаций в печатных СМИ, расшифрованных цитат из видеохроники, из радиобесед с дипломатом, воспоминаний тех, с кем сводила его судьба, а их было множество – политиков, журналистов, людей творческих профессий.

¹ Карапетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлиа Воронцова. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2011. С. 625.

Вступление к книге написал Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН с 1997 по 2006 год. Вспоминая своего «коллегу и друга», он пишет о том, как «высоко ценили Юлия за утонченный интеллект, энергию и полную самоотдачу. <...> У меня нет ни капли сомнений в том, что благодаря этой книге вся его жизнь будет и впредь воодушевлять на свершения новые поколения дипломатов во всем мире»². В качестве эпиграфа к первой главе взяты слова С.В. Лаврова – международного деятеля высокого ранга, тонкого политика: «Это был великий дипломат, который работал на самых трудных участках»³.

Значительную часть своей карьеры легендарный дипломат посвятил отношениям с США, где он проработал в общей сложности около 20 лет и, в частности, будучи первым заместителем министра иностранных дел СССР, сыграл решающую роль на переговорах с американцами, увенчавшихся в 1987 году историческим договором о ликвидации ракет средней дальности. Он прошел путь от атташе до постоянного представителя нашей страны при ООН, а позже – посла России в Вашингтоне. Воронцов был также послом СССР

в Индии и во Франции. В ранге замминистра он служил послом в Кабуле, где занимался проблемами вывода советских войск из Афганистана.

По прочтении книги из всех материалов досье, из кратких описаний тех, кто руководил СССР и выстраивал тогда международные отношения, складывается не только образ самого Юлия Михайловича, дипломата высшей марки, миротворца, интеллигента в истинном значении этого слова, но и портрет ушедшего в прошлое государства, в котором многим из нас довелось жить. И это естественно, поскольку говорить о человеке, вся жизнь которого была подчинена служению государству, невозможно в отрыве от тех, от кого зависели судьбы Родины и мира, людей, имена которых стали знаковыми для того времени. Авторы не задавались целью воссоздать историческую панораму эпохи, но избежать этого было просто невозможно, факты – вещь упрямая и поневоле словоохотливая, и роль главного консультанта, естественно, была отдана самому Юлию Михайловичу.

Судьба отца, Михаила Александровича Воронцова, во многом определила биографию сына, и потому первая глава посвящена ему. Военный моряк, командир гидрографического судна, который со временем стал заместителем начштаба тихоокеанского флота, в 1939 году был назначен пресс-атташе в Германию и пробыл там с женой и сыном вплоть до начала войны. Г. Карпетян пишет: «Юлий Михайлович считал отца святым человеком за чистоту его убеждений, относился к нему с большим благоговением и пиететом, очень гордился им»⁴. Сейчас имя вице-адмирала М.А. Воронцова носит гидрографическое судно ВМФ.

И вот, на фотографии 1946 года – молодой курсант Бакинского военно-морского подготовительного училища Юлий Воронцов. Кстати, с разницей в год в том же училище учился и Е.П. Примаков. В те курсантские годы они не познакомились, но после – жизнь свела их и как соратников, и как друзей. Доучиться и стать моряком, как отец, Юлию Михайловичу не случилось – училище расформировали, поскольку вовсю шла демобилизация, в ВМФ сокращали численность войск. И Воронцов по окончании школы пошел поступать в МГИМО, как ни странно покажется сегодня, просто так, – за компанию с другом, попробовать. Как он сам вспоминал – без особых надежд на успех, и потому даже не поставил в известность родителей, и – поступил. Так началась биография выдающегося дипломата нашего времени...

² Карпетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. С. 10, 11.

³ Вести недели. 23 декабря 2007.

⁴ Карпетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. С. 65.

Юлий Воронцов, курсант Бакинского военно-морского подготовительного училища. 1946

Вице-адмирал в отставке М.А. Воронцов. Москва, 1970-е гг.

Имя Юлия Михайловича Воронцова на протяжении всего его дипломатического служения тесно связано с именами виднейших политиков и государственных деятелей стран, где ему доводилось работать, – США, Франции, Индии, Афганистана, многих миссий ООН. Поэтому авторы подняли и личные досье, собрали материалы, опубликованные в открытых источниках, но многие воспоминания о дипломате Воронцове публикуются впервые.

Для того, чтобы представить себе, со сколькими людьми Юлий Михайлович встречался за всю свою жизнь, скольких друзей он приобрел, сколько людей сохраняют память о сотрудничестве с ним, долгом и недолгом, – достаточно заглянуть в конец книги, в раздел «Указатель имен». Под каждой литерой – с полтора десятка, а иногда и более, известнейших фамилий, биография большинства из которых – часть эпохи. О многих из них в книге рассказано достаточно подробно – и самим Юлием Михайловичем, и авторами, собравшими богатейшие документальные сведения о персонажах и событиях тех лет.

Следует отметить, что выстроить не только хронологически, но и логически такой объем ин-

формации, какой приводится авторами, с учетом всех сторон дипломатической жизни, многие подробности которой, как правило, остаются за кадром – чрезвычайно сложная задача. Тем не менее весьма объемный материал оказался очень удачно структурирован. Многие снимки, несущие немалую информационную нагрузку, объединены в фотоблоки, завершающие каждую главу и иллюстрирующие период, о котором в ней говорится. Текста много, он очень разный. Сведения, почерпнутые из СМИ, помещены в разделах «Из досье», рассказы самого Ю.М. Воронцова объединяет подзаголовок «Прямая речь», рубрика «Из первых уст» содержит воспоминания сотрудников, причем не только о Юлии Михайловиче, но и об исторических событиях того времени, о тонкостях и перипетиях дипломатической жизни, зачастую разрушающие наши расхожие представления. Названия разделов «Из архива Ю.М. Воронцова», «Из видеоархивов», «Свидетельствуют очевидцы» и так далее сами говорят об их содержании.

Поговорка, гласящая, что «политика – дело грязное», в политической среде часто воспринимается как некая «косвенная индульгенция» на

соответствующие действия. Но из материалов книги видно, что вопреки этому сомнительному тезису делами советской дипломатии, особенно послевоенного времени, может по праву гордиться история любого государства. И почти всегда наряду с ведущими дипломатами СССР, среди которых А.А. Громыко, А.Ф. Добрынин, О.В. Трояновский, В.Е. Фалин, С.В. Лавров и другие, в списках тех, кто внес серьезный вклад в достижения ее миротворческой миссии, мы встречаем имя Ю.М. Воронцова.

Ю.В. Фокин пишет, что А.Ф. Добрынин часто поручал именно Воронцову вести самые сложные переговоры, как он выразился – «на острие». Возможно, при этом учитывались те качества Юлия Михайловича, которые нашли отражение в его собственной любимой поговорке: «think big», «думай по-крупному», призывавшей собеседника оперировать широкими, глобальными понятиями. Сам Юлий Михайлович, как истинный дипломат и человек Мира в обоих смыслах слова, на посту дипломата и в жизни руководствовался пространственными и временными категориями. Действуя прежде всего во благо своей Родины, он всегда сохранял точный баланс между разумным компромиссом и необходимой дипломатической жесткостью, чем и заслужил высокие оценки своей деятельности даже среди непримиримых международных оппонентов, какими были ведущие дипломаты США в годы «холодной войны». В интервью с В. Глазуновым на телеканале «Ностальгия» в апреле 2007 года Юлий Михайлович заметил: «Дипломатия требует выдержки и терпения. Там нельзя скакать козликом. Надо терпеливо, как говорили мы в свое время, гнуть свою линию в тех или иных вопросах...»⁵. При этом дипломатом приходилось быть не только на переговорах с зарубежными оппонентами, но в родном стане: «Поначалу переговоры всегда идут так, что каждый насканивает петушком, говорит, что только их линия правильная. Когда есть терпение, можно перейти к поиску компромисса. Тогда выяснится, что есть приемлемые вещи и у противника. Правда, бывает трудно доказать это в Центре, Москве, что у оппонентов также есть хорошие предложения. В Москве всегда говорили “нет”. Поэтому переговоры приходится вести на двух фронтах»⁶.

Генри Киссинджер, с которым Ю.М. Воронцов, будучи Чрезвычайным Полномочным Послом СССР, а затем РФ в США, был знаком и общался не только в ходе переговоров, часто весьма труд-

ных, высоко оценивал его как дипломата и человека. Замысел переговоров с США по ядерному разоружению в недрах советской дипломатии возник давно, но на Западе это воспринималось как полнейшая утопия. Прошло время – и этой утопии было суждено сбыться, причем огромную роль в сложнейшем многоступенчатом переговорном процессе, наряду с другими, сыграли и действия Ю.М. Воронцова в качестве Посла РФ.

Но до того, в 1988 году, в ранге первого заместителя министра он возглавил посольство СССР в Афганистане. Деятельность Ю.М. Воронцова на этом посту спасла в афганском конфликте не только жизнь многим русским солдатам, но и честь нашего государства, втянутого в эту кровопролитную, страшную, непонятную многим войну. Рассказу об истории конфликта и о миротворческой роли Ю.М. Воронцова в его разрешении, причем с позиций самых разных политиков и военных, с приведением документальной переписки с обеих сторон, посвящена глава «Как я стал “совместителем” в Кабуле». Здесь авторы сумели последовательно выстроить и свести воедино документальные тексты, публикации СМИ, воспоминания тех дипломатов, политиков и военных, кто был причастен к этим событиям, нарисовать целостную картину происшедшего. И снова очевидцы говорят о высочайшем профессионализме и прекрасных качествах личности дипломата Воронцова. В 2009 году генерал Б.В. Громов, нынешний губернатор Подмосковья, который руководил выводом советских войск из Афганистана, вспоминает: «Внешне он оставлял впечатление спокойного, уравновешенного, мягкого и интеллигентного человека. Теперь, когда становятся известными подробности его миссии, поражаешься, сколько отваги и выдержки было в нем. <...> Не знаю, сколько точно, но, думаю, немало матерей, чьи сыновья уходили тогда из Афганистана в СССР, должны быть благодарны этому дипломату за спасенные жизни их детей, за его, безо всякой натяжки, большой человеческий подвиг. Мы должны поклониться ему за это!»⁷

Жизнь дипломата – это не только официальные переговоры за рубежом. Во времена социальных перемен, какими была насыщена судьба России после начала перестройки и, затем, избрания Б.Н. Ельцина Президентом РФ, среди политиков высоких рангов шла «подковерная» борьба, о которой мы, привыкшие в своей «постсоветской» наивности доверять всему, что нам гово-

⁵ Карапетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. С. 275.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Там же. С. 337.

«Юлию Воронцову с дружескими и самыми теплыми личными пожеланиями. Кофи Аннан». Октябрь 1997 г.

рили со страниц газет и экранов телевизоров, не догадывались.

С приходом в МИД министра А.В. Козырева многое изменилось, и для Ю.М. Воронцова тоже. В одной из бесед с Гагиком Карапетяном он вспоминал, как ему, недавно приехавшему из США, где он работал в должности постпреда Совета безопасности при ООН, Б.Н. Ельцин высказал пожелание: «“Ну, Вы Козырева не особенно подрывайте. Все-таки работает неплохо...” Тут я понял, что оказался в роли советника, в рекомендации которого особенно не нуждаются...»⁸ И Ю.М. Воронцов попросил у руководства МИДа нового назначения, которое получил незамедлительно. Как скажет позже первый вице-президент МЦР, генеральный директор Музея имени Н.К. Рериха Л.В. Шапошников, «чиновничья зависть всегда шла по пятам за этим крупнейшим российским дипломатом»⁹.

В том же 1994 году он вернулся в США в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ, сохранив прекрасные отношения с тогдашним Министром иностранных дел, еще раз, но уже в закулисной жизни доказав верность своему призванию миротворца...

В одной из подглав «Прямая речь» Юлий Михайлович вспоминает, как в своей «дипломатической кочевой жизни» – его собственное выра-

⁸ Карапетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. С. 433.

⁹ Там же. С. 617.

¹⁰ Там же. С. 212.

жение, – будучи Послом СССР во Франции с 1983 по 1986 годы, они с супругой Фаиной Александровной проживали в старинном особняке. Надо сказать, что хотя Ю.М. Воронцов говорил о себе, как об «американисте», В.П. Ступишин, ныне Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке, отмечал, что «...корректировка французской внешней политики в лучшую для нас сторону в известной степени связана с личностью нового посла Ю.М. Воронцова»¹⁰, хотя начался этот этап жизни Юлия Михайловича с неприятности: как раз перед тем из Франции выслали пять десятков сотрудников советских учреждений.

Вручение верительных грамот президенту США Б. Клинтону. Овальная кабинет Белого дома. 11 августа 1994 г.

Встреча Ю.М. Воронцова с премьер-министром Индии И. Ганди

Тем не менее, талант дипломата Воронцова и здесь проявился в полной мере, и очень скоро в отношениях Москвы и Парижа, как говорит В.П. Ступишин, «подул теплый ветерок».

Он был элегантен и изящен во всем, что подчеркивало обаяние этого незаурядного по всем статьям человека. Такое же тонкое, изящное чувство юмора – в его личных воспоминаниях. Рассказывая о своей «кочевой жизни» в разных домах, часто с большой историей, он говорил: «Меня всегда очень интригует история помещения. А что тут было до того? А кто находился до меня? Как дом выглядел? Я в этих комнатах все пытался представить, как здесь ходили маркизы, графини и княгини...»¹¹ И дальше совершенно неожиданный рассказ: «...в старинном парижском доме нас посещало привидение. Мы сидели с супругой, читали вечерами. Вдруг раздавались совершенно отчетливые шаги, проходили мимо. Моя половина очень пугалась. А я отвечал, что это, наверное, привидение. Но меня другое интересовало – почему не здоровалось. Молча проходило мимо. Сказало бы: “Бонсуар!”», но нет – шагло молча, удаляясь в другую комнату. Были люди, наполнявшие дома. Эти здания, очевидно, дышат

человеческими судьбами, страстями. Стены остались, дома стоят, а людей нет»¹².

Какая великолепная иллюстрация к его излюбленной поговорке «think big»! Шутил ли он, рассказывая о привидении, или нет – неважно, но именно великолепное чувство юмора позволяло ему не усматривать в этих посещениях из мира духов ничего противоестественного. Но здесь есть и другое – масштабное восприятие истории, видение прошлого в настоящем, восстановленное в поэтическом обобщении.

О судьбах мировой культуры он пекся всегда. Не только интересовался историей искусств в странах, где ему довелось исполнять свой служебный долг, но и немало способствовал спасению национальных богатств, как это было в 2000 году в Ираке и Кувейте, когда Кофи Аннан убедил российского дипломата занять пост координатора ООН по возвращению кувейтских пленных и имущества из Ирака – то есть выполнить миссию, которая единодушно признавалась весьма трудной, если не сказать невыполнимой.

Как человек, понимающий значение культуры в мировом масштабе и для России, как истинный знаменосец Знамени Мира, чьи представления

¹¹ Каранетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. С. 483.

¹² Там же. С. 484.

Встреча четы Воронцовых с С.Н. Рерихом

о приоритете мира и культуры практически совпадали с идеями Пакта Рериха о защите культуры на уровне глобальных дипломатических отношений, Ю.М. Воронцов стал бесценным соратником Международного Центра Рерихов и его президентом. Об этом рассказывает глава «Сохранить рериховское наследие». Известно, что именно Юлий Михайлович добился выделения спецрейса Аэрофлота для отправки на Родину наследия семьи Рерихов. О том «горбачевском времени» он говорит, что «это был хороший период, без каких-либо посягательств на деятельность Фонда. Это потом, когда власть переменилась, возникла неразбериха, начались попытки национализировать наследие Рерихов»¹³.

Юлия Михайловна связывали теплые дружеские отношения со Святославом Николаевичем и Девикой Рани Рерих. Спустя годы, уже в должности президента МЦР, в интервью, данном журналу «Культура и время» в 2004 году, он говорил: «Безусловно, я во всем поддерживаю сотрудников Центра, надо сохранять и развивать достигнутое. Очень жаль, что продолжают нападки на Центр и на саму память Рерихов. Мы будем всячески отбивать эти атаки, будем укреплять нашу коллек-

цию в Музее. Музеи у нас сохраняются только благодаря огромному энтузиазму их работников. <...> Равнодушные люди музейному делу противопоставлены. Ведь ценности огромные, и культурные, и материальные. Поэтому будем всячески охранять и беречь наш Музей, пополнять его коллекцию и бороться за возвращение принадлежащего нам по праву»¹⁴. В 2000 году, по договоренности Ю.М. Воронцова с Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, последнему было вручено Знамя Мира в его резиденции на Ленинских горах.

Почти четыре года Юлия Михайловна нет с нами, но со страниц этой книги президент МЦР, о котором Л.В. Шапошникова сказала: «Такого президента, как Воронцов, нам уже не найти», вновь задает оставшиеся большими вопросы о части рериховского наследия, взятого на временное хранение и канувшего где-то в запасниках Музея Востока: «Не исключаю, что картины могли быть раздарены, разграблены, погублены, потеряны. <...> Боюсь ли я обвинения в огульном оскорблении честных людей? Если они честные люди, то почему не подпускают нас к коллекции, не дают провести искусствоведческую экспертизу? Так скрывают существо дела, когда не хотят обнару-

¹³ Первоначально МЦР носил название СФР – Советский Фонд Рерихов.

¹⁴ Каранетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. С. 597.

Открытие выставки, посвященной 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха. Слева направо: А.В. Шапошникова, Ю.М. Воронцов, летчик-космонавт Т.М. Мусабаев, президент Торгово-промышленной палаты РФ Е.М. Примаков. Музей имени Н.К. Рериха. Москва. Октябрь 2002 г.

довать постыдные факты. Например, имена чиновников, которые получили их в подарок или в качестве взятки, имена тех, кто не должным образом хранил картины»¹⁵. Эти вопросы, заданные человеком честным и смелым, и сейчас сохраняют свою актуальность.

В этой главе читатель найдет интереснейший рассказ Людмилы Васильевны о временах дружбы и сотрудничества с Юлием Михайловичем, с которым она познакомилась в 1979 году. Это уникальные воспоминания о прекрасном человеке, чья жизнь и жизнь МЦР были долго и тесно связаны. «Все государственные “новшества” в отношении Центра, – пишет она, – огорчали Ю.М. до глубины души. В них просматривалось пренебрежительное отношение к культуре, и это было совершенно непонятно, а временами просто непереносимо для него. Будучи глубоко культурным человеком и хорошо понимая значение культуры для России, он мужественно и активно вступил на опасную в наших условиях ее защиту»¹⁶. Его внезапная кончина потрясла всех...

Книга завершается обобщающими воспоминаниями, размышлениями, выводами, в трех последних частях – приложения, где собраны документы: выступления, статьи, интервью, публикации СМИ, выдержки из докладов генерального секретаря ООН Совету Безопасности ООН о деятельности координатора высокого уровня, дипломата Ю.М. Воронцова.

В заключение соавторы приносят благодарность всему коллективу МЦР под руководством Л.В. Шапошниковой и особенно – публикаторскому отделу. «Длинный-длинный свиток благодарственных молитв»¹⁷ они адресуют Б.И. Булочнику – одному из учредителей МЦР, истинному меценату. А все мы – настоящие и будущие читатели, и те, чья жизнь сводила с Ю.М. Воронцовым, и те, кого еще сведет на страницах этой книги, безмерно признательны Г. Карапетяну и В. Грачеву-Селиху за их труд, сделанный с любовной тщательностью. Ведь в результате – ненаписанные воспоминания Ю.М. Воронцова все-таки *написаны*, и с этих страниц опять звучит его голос и вспоминается его красивая, спокойная улыбка...

¹⁵ Карапетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. С. 601.

¹⁶ Там же. С. 619.

¹⁷ Там же. С. 716.

Рита Вебер

На опушке мира

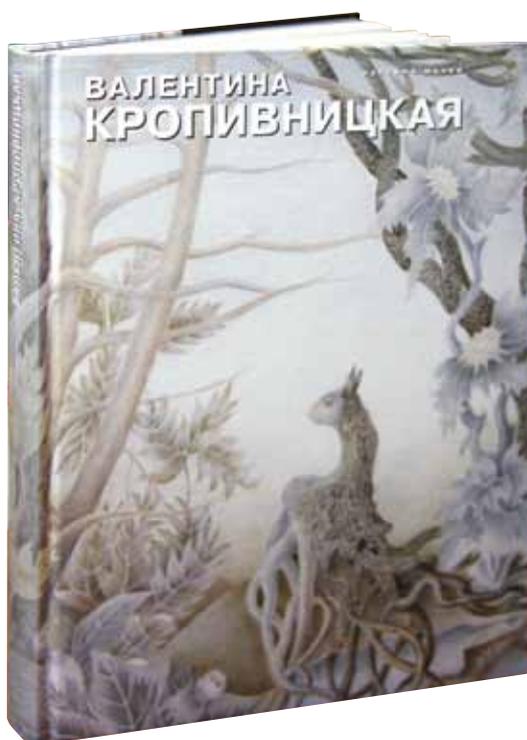
*Душа и первородные силы
в творчестве Валентины
Кропивницкой*

*Набегают волны синие,
Зеленые? Нет, синие,
Как хамелеонов миллионы,
Цвет меняя на ветру.
Ласково цветет глициния,
Она нежнее инея,
А где-то есть страна Дельфиния
И город Кенгуру.*

Новелла Матвеева

*Мы всегда представляем собой то,
чем мы еще не стали.*

Зигфрид Ленц

«**Е**е искусство, фантастичное и отчасти сказочное, приносит гармонию в жизнь. Она создает собственную Вселенную, куда непременно хочется попасть, заглянуть в глаза маленькому сказочному народцу, чья жизнь созвучна детским ощущениям и переживаниям» (*Ивета и Томаз Манашеровы*).

«Они, эти существа, не люди, но их воплощение. Они не имеют человеческого обличья, но выражают его духовную ипостась. Как будто душа человека, отделившись от тела, преобразилась и продолжает жить в их обликах» (*Евгения Петрова*).

«Неизвестно, что Валентина Кропивницкая прячет в листве, в чаще леса, под водой или в запутанных корнях. Причину, почему она играет в прятки, объясняет прошлое художницы: она работала в “подполье” и по собственному опыту хорошо знает подобное “погружение”» (*Барбара Тиманн*).

«Валентина Кропивницкая рассказывает историю – ту, которая принадлежит ей одной и секрет которой она сумела сохранить. Что за систему символов она изобрела... на краю меняющегося мира, забывающего о вечности?» (*Шарлотта Валигора*).

«У художницы есть рисунок 1965 года, который называется “Счастливый остров”. Там, среди уютного болотца – на аккуратном острове величиной с кочку – две сидящие фигурки. Над этими не-человечками – полочка с книгами; выше, в рамке – неотъемлемые фрагменты-иероглифы с картин мужа, Оскара Рабина. В свою очередь, и он вставлял в свои работы неземное Лукоморье жены, смягчая (а может, усугубляя) задумчивой магией собственный трагический сарказм» (*Кира Сапгир*).

Так пишут о художнице те, кто знает и любит ее работы. В альбоме-альманахе «Валентина Кропивницкая» (Русский музей, 2010)¹ – фотографии, цветные и давние черно-белые; статьи, в которых искусствоведческий анализ перемежается воспоминаниями, и больше ста пятидесяти репродукций цветных и монохромных рисунков. Книга составлена с такой неторопливой обстоятельностью и любовью, что кажется, мы сидим за чашкой чая в парижской мастерской на rue Quincampoix рядом с друзьями Валентины Евгеньевны и, зачарованные теплом, тишиной и волшебным миром ее рисунков, слушаем и листаем вместе с ними страницы ее жизни.

Валентина Кропивницкая – дочь патриархов «неофициального искусства», художницы Ольги Потаповой и Евгения Кропивницкого, музыканта, поэта и художника, «человека Возрождения». Генрих Сапгир, который почтительно называл его Учителем, вспоминает: «Он ограничил свой словарь, убирал лишние эпитеты и метафоры. Обобщил рисунок, не допускал пестроты и красоты. Такая была вокруг жизнь – некрасивая и достоверная. Эстетика и этика сугубой бедности. *Оголенность* – так он назвал цикл своей подмосковной графики». У матери, теософки Ольги Потаповой, бессюжетная многослойная живопись излучала тихое сияние: все тает, ускользает, растворяется, напоминает минералы, микромиры, мерцающую бездомность неведомых субстанций... Брат Валентины, Лев Кропивницкий – мастер графики, коллекционер.

С Оскаром Рабиным она познакомилась в 1950 году, и с тех пор они всегда были вместе. «Новоселье отпраздновали, распив бутылочку портвейна “777” с ближайшими друзьями. Стол накрыли по-деревенски: пирожки с капустой, винегрет, селедка с картошкой, лук, редиска, подсолнечное масло. Ночь принесла сюрпризы <...> чтобы им вдвоем вдруг не стало скучно, в дом всю ночь пытался пролезть поросенок, который хотел погреться у печи. Так и перезимовали» (*Аркадий Неделя*²).

Валентина в лианозовской группе никому не подражала. Просто присутствовала. Пока однажды не взяла в руки карандаш. Ее сюрреалистическая манера была по тем временам уникальной. Она ни с чем и ни с кем не боролась. Ее единственным и неповторимым языком был рисунок, где «косое солнце – падая в папоротники – синим дымом встает...» (*Г. Сапгир*).

Барак Кропивницких в подмосковном Лианозове давно уже стал легендой, как и «бульдозерная выставка» 1974 года. Хрущевская оттепель открыла шлюзы – пространство культуры стремительно расширилось, восстанавливалось, побуждая к эстетическо-

Счастливый остров.
Фрагмент. 1965

¹ Государственный Русский музей. Валентина Кропивницкая. Альманах. Вып. 252. СПб. Palace Editions, 2010.

² Отрывок из биографического романа «Оскар Рабин: Нарисованная жизнь».

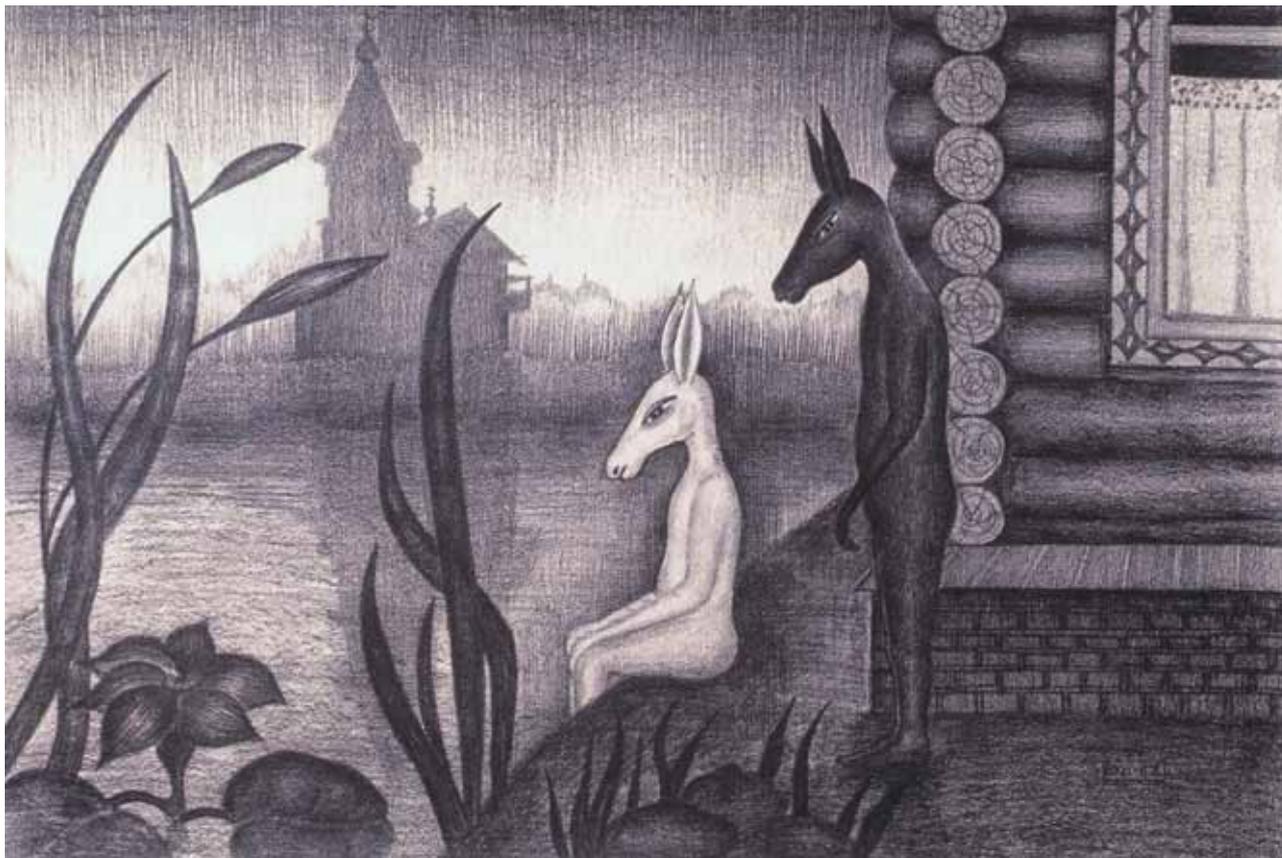
му поиску, сметая границы. Когда спохватились, было уже поздно – на авансцену вышло новое поколение. Появились другие имена, книги, переводы, звучали новые песни... Песни записывали на магнитофоны, множился самиздат, выставки устраивали в квартирах друзей. Те, кто противостоял пафосу и эстетике соцреализма, – ушли в собственный внутренний мир. Этот «личный демарш» вызывал глухое раздражение. Начальники-академики полагали, что настоящее искусство – официальный советский китч, а «неофициальные» художники просто не умеют рисовать, и поэтому им надо всеми способами мешать жить и творить. В 1978 году Валентина вместе с мужем уехала в Париж.

Сегодня ее рисунки находятся во многих крупных музеях мира и в частных собраниях. Они просты, лаконичны, кому-то могут показаться архаичными. Они вибрируют нежной мелодией, «читают свет, как в зеркале», возвращают нас к основам мироздания, к детству, «когда деревья были большими». Что завораживает в них? Что за тихие существа населяют этот сказочный мир – двуногие лошадки? ослики? – одухотворенные и созерцательные, они полны уважения к творению, ко всему живому, их хочется погладить, защитить и утешить. Они сидят, ожидая чего-то, у тихих озер, у кромки леса, на фоне размытых пейзажей с церквами и иг-

рушечными избами... Чего они ждут? Может быть, конца этого мира? Что таит в себе эта тишина? Как удастся художнице удержать удивительное равновесие между существующей реальностью и собственным виденьем того, что скрыто от остальных?

Истоки ее вдохновения определить непросто. Способность преобразовать чувство в образ, вдохнуть жизнь в неодушевленные предметы – от родителей-лианозовцев. В рисунках просматривается гобеленность Борисова-Мусатова; в фантастических сюжетах есть отзвуки Врубеля и Васнецова; острота и графичность деревьев – это переключка с Руссо. Вспоминается Киплинг: «Но в солнечной Бразилии, Бразилии моей такое изобилие невиданных зверей». Все аналогии случайны – путь у Валентины Кропивницкой свой. И техника у нее своя: тончайшими градациями черного, серого или золотистого карандаша она заполняет пространство листа, и мир в ее монохромных и цветных рисунках предстает светлее, мягче, приглушенной, существует как бы вне времени. Но это обманчивая идиллия.

Наивная декоративность диссонировать в ее работах с мудростью, прошедшей через испытания бытия. Кропивницкая счистила фабульную сторону жизни, наслоения, и сделала действующими лицами не людей (их в ее работах очень мало), а их сущности, выражая идею пребывания души в земной ипостаси. Природа, если взглядеться в ри-

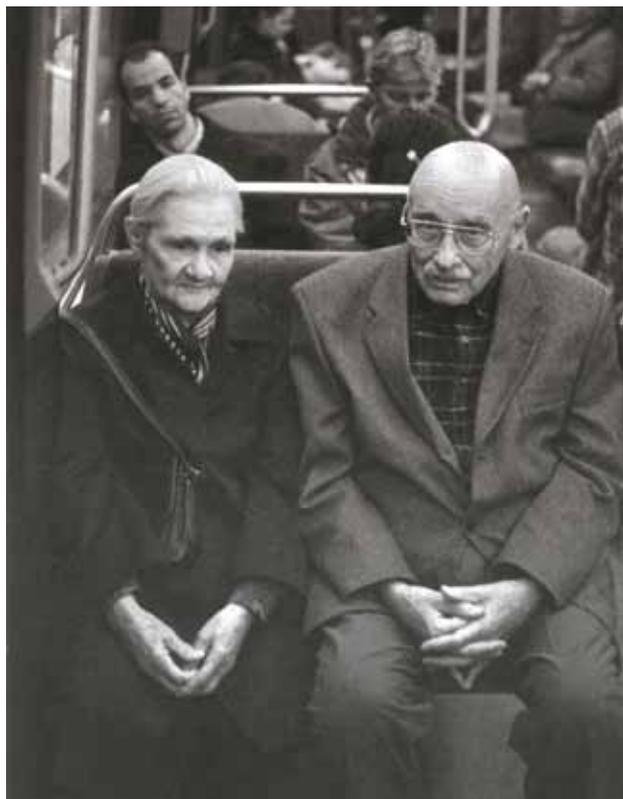
На берегу озера. 1971

сунки, наполнена подспудным движением, звуками: отделенная от души, она живет своими страстями. «Папоротники и хвощи, ребристая изнанка сыроежки, темноватая избушка на курьих ножках <...> “на неведомых дорожках следы невиданных зверей”, там среди еле слышного шелеста – хорошенькие кроткие создания с копытцами и трогательной челочкой. Эта нежная нежить – приветливая и молчаливая, способна вызвать симпатию, но порой и тревогу: возможно, что под мясистыми болотными стеблями и корягами водятся иные...» (Кира Сагир).

Лес полон скрытой жизни, в ритме и пластике движения деревьев и трав чувствуется эмоциональный заряд, он обостряет ощущение предвечной тревоги. На языке сказок и сновидений непроходимый лес означает темную, тайную глубину души, бессознательное, где проявляются первородные силы. Границы между метаморфозой и мимикрией у Кропивницкой размыты, неопознанные существа кажутся частью ветвей, корней и сучьев, дерево превращается в оленя, чье-то лицо проступает на стволе, переплетение слоистых облаков напоминает пряди волос, грибы вырастают в огромные громкоговорители, когда-то висевшие на столбах... В понимании природы, архитектуры и вообще жизни Кропивницкая наследует Серебряному веку, а сказочные существа пришли из фольклора. Ее совы и змеи – это символы ночи, тьмы и тайны, они не добрые и не злые, им ведомы недоступные нам смыслы.

Почти полвека – одна манера, похожие сюжеты, темы, мотивы. Менялась география жизни, появлялось другое архитектурно-пейзажное окружение («Саша в Монжероне», 1978). Менялась метафора мира. На смену пастельным тонам, растушеванным краскам парижских рисунков приходили черно-белые («Музыка в лесу», 1988). 1995 годом датирован рисунок «Реквием». В конце 1990-х милых существ с обликом и глазами лани потеснили коты. Они бродят вдоль бульваров, сидят на деревьях, наблюдают за движущимися машинами – у них свои дела, своя жизнь.

Достоевский писал, что зритель вправе требовать от художника, «чтобы он видел природу не так, как видит ее фотографический объектив, а как человек. В старину сказали бы, что он должен смотреть глазами телесными и, сверх того, глазами души, или оком духовным». Персональные выставки Валентины Кропивницкой прошли в Великобритании, Швейцарии, во Франции, Норвегии и Германии, в Люксембурге и США. Мир в ее рисунках един для всех проявлений природы, для каждого листа, цветка или пенька, для волн на поверхности воды – и для зрителя, разглядывающего и разгадывающего эти простые рисунки.

Валентина Кропивницкая и Оскар Рабин в парижском метро. 2007

Валентина Евгеньевна Кропивницкая скончалась в Париже в 2008 году в Рождественский сочельник. Ей было 84 года. Покоится она на кладбище Пер-Лашез, подле сына Александра.

Живя в центре города, рядом с Бобуром, она оставалась той же, какой была в середине прошлого века: буддистски равнодушной к материальной стороне жизни, к одежде (чем проще, тем лучше), но изысканной в своей художественной манере; хрупкой, но стойкой; немногословной, но точной в определениях; углубленной в себя, но чуткой и внимательной, – такой ее помнят друзья и близкие, рассказавшие о ней в альбоме-альманахе. Она оставила нам свои рисунки – самоценное свидетельство души, знающей, что такое боль и что такое свобода. Тихо и ясно звучит в них мелодия о вечном, о красоте и таинственности природы, о любви и одиночестве.

Кропивницкая прожила в Париже ровно тридцать лет.

В 2006 году посол России во Франции вручил ей новый российский паспорт.

В 2007 году она приехала с мужем в Москву, где в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина состоялась большая выставка семьи Рабиных.

Последний подарок судьбы – осенью 2008-го она успела побывать в Москве на экспозиции Оскара Рабина в Третьяковской галерее.